

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-101-113

Гамановский Сократ в истории философии

Алексей Михайлович Стрельцов

Институт философии и права СО РАН

Новосибирск, Россия

streltsov@mail.ru, ORCID 0000-0002-1116-1884

Аннотация

Разбирается место сократической интерпретации И. Г. Гамана на фоне предшествующей традиции и в контексте мысли Просвещения, а также влияние апроприации им сократической проблематики на философию XVIII–XIX вв.

Ключевые слова

Гаман, Мендельсон, Гете, Гегель, Кьеркегор, Ницше, Просвещение, незнание, дaimон, Сократ, Сократические достопамятности

Для цитирования

Стрельцов А. М. Гамановский Сократ в истории философии // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 101–113. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-101-113

Hamannian Socrates within History of Philosophy

Alexey M. Streltsov

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

streltsov@mail.ru, ORCID 0000-0002-1116-1884

Abstract

The paper delineates the place of J. G. Hamann's interpretation of Socrates in view of the preceding tradition and in the context of the thought of the Enlightenment, as well as the influence of his appropriation of Socratic problematics on philosophy of the 18–19th centuries.

Keywords

Hamann, Mendelssohn, Goethe, Hegel, Kierkegaard, Enlightenment, ignorance, daimon, Socrates, Socratic Memorabilia

For citation

Streltsov A. M. Hamannian Socrates within History of Philosophy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3, p. 101–113. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-101-113

© Стрельцов А. М., 2022

Публичной дебютной работой кенигсбергского литератора XVIII в. Иоганна Георга Гамана (1730–1789) стало небольшое сочинение о Сократе – «Сократические достопамятности» (далее – СД). Оно обращает на себя внимание тем, что в нём Гаман предложил необычную для его эпохи трактовку сократического образа. То, что для выражения своей экстравагантной (в контексте Просвещения) позиции Гаман выбрал фигуру Сократа, глубоко неслучайно.

Несмотря на меняющиеся философские парадигмы и социокультурные контексты, человечество сохраняет «золотой фонд» классики, которая остаётся востребованной в любое время, обеспечивая связь поколений и продолжая формировать окружающую среду в разрезе эпох. Одним из краеугольных камней современной европейской и мировой цивилизации остаётся личность Сократа.

Трактовка Сократа менялась со временем, отражая запрос окружающей среды. Уже Ксенофонт и Платон дают разные описания Сократа, причём в диалогах последнего историки философии выделяют «раннего» и «позднего» Сократа, теряющего черты исторического Сократа и ставшего рупором для выражения идей Платона [Vlastos, 1971]. Среди современников Сократа Платон делал упор на его учение, Ксенофонт – на его дела. Впрочем, оба они относились к Сократу с большим пиететом. По словам самого Гамана, «в сочинениях Ксенофонта господствует суеверное почитание Сократа. Платону больше свойственно восторженно-романтическое отношение к учителю» [Hamann, 1950. S. 15–16; Гильманов, 2003. С. 427]. Однако Аристофан в комедии «Облака» представил резко сатирический образ Сократа как одного из софистов. Гамановский «сиквел» СД – «*Wolken*» – представляет собой прямую отсылку к этому произведению [Hamann, 1950. S. 83–109].

Как метод философствования Сократа, так и самоотверженное стремление к истине и особенно благородная смерть сделали его этическим эталоном для будущих поколений. Два парадоксальных момента жизни и смерти Сократа особенно впечатлили его современников и потомков: поразительное несоответствие его неказистого внешнего облика и внутреннего содержания [Светлов, 2015. С. 178–179], что шло вразрез с общепринятыми установками греческой культуры («калокагатия»), и удивительный переворот в событии его казни, при котором осужденная на смерть жертва сохранила честь, в то время как позору были подвергнуты её судьи.

В связи с этим неудивительно, что при переходе от язычества к христианству произошла «христианизация» образа Сократа, в первую очередь для целей апологетики. Имеются свидетельства в пользу того, что уже евангелие от Луки, обращённое к эллинистической аудитории, изображает в апологетических целях смерть Христа как «благородную смерть» в соответствии с греческой традицией [Scaer, 2005. P. 71–78, 117–126]. Согласно данной интерпретации, третий евангелист использовал следующие мотивы истории Сократа: смерть Сократа как праведника, несправедливость приговора Сократа, отказ бежать и послушание закону, смерть как (божественная) необходимость, отказ от мщения, мужество, спокойствие и кротость перед лицом смерти, жизнь как приготовление к смерти, роль друзей (учеников и т. п.) и их благородное горе, пророчество о возмездии¹.

¹ Скаер не усматривает явных параллелей в последнем случае [Scaer, 2005. P. 123–124].

Такие авторы как Юстин, Климент Александрийский, Лактанций и Марий Викторин усматривали в Сократе предшественника христианства среди эллинов, хотя, несомненно, среди отцов церкви можно найти совершенно разные оценки Сократа [Филин, 2014. С. 181–184]. Далее сократическая тема постепенно уходит в тень после обретения христианством статуса *religio licita*, а затем и господствующей позиции в Римской империи, кульминацией чего явились закрытие императором Юстинианом академии в Афинах и наступление средневековья в западной Европе. Это не значит, что Сократ был забыт – достаточно вспомнить изображение Сократа на фасаде Шартрского собора – но в этот период мы не встречаем полноценной рефлексии о Сократе, что было обусловлено в том числе недоступностью большинства исторических источников о его жизни на латинском западе.

Своеобразный ренессанс Сократа происходит в эпоху с одноимённым названием с её лозунгом *ad fontes*. Сократ стал одним из символов золотого века утраченной античности. Леонардо Бруни перевёл на латинский язык «Апологию», «Критона» и «Федона» Платона, а также «Апологию» Ксенофонта [Hankins, 2009. P. 341]. Примерно в 1440 г. ученик Бруни Джаноццо Манетти написал первую биографию Сократа со времён античности [Ibid. P. 344]. Марсилио Фичино рассматривал себя как «флорентийского Сократа». На этом этапе мы наблюдаем любопытное сочетание христианских и неоплатонических черт в подходе к Сократу. Известно и предсмертное высказывание северного гуманиста Эразма Роттердамского: «Sancte Socrate, ora pro nobis», на которое иронически ссылается Гаман в СД [Hamann, 1950. S. 64].

В эпоху Просвещения Сократа пытались записать в свой лагерь представители самых разных кругов. Исследование Бенно Бёма [Böhm, 1966], которое до сих пор не утратило своей актуальности, представляет широчайшую палитру мнений относительно личности и мировоззрения Сократа². Моралисты, сторонники свободомыслия (*freethought*), деисты и прочие пытались решить стоявшие перед ними задачи, вознося нужный им образ Сократа на знамя своих учений. При этом в сравнении с эпохой Ренессанса общий акцент переносится с синтеза на противопоставление греко-римской античности и христианства наряду с критикой последнего, хотя это могло быть завуалировано тем, что Сократа называли «христианином», подменяя содержание этого понятия.

Например, Энтони Коллинз утверждал, что «Сократ был божественнейшим человеком его времени, когда-либо являвшимся в мире язычников... величайшим вольнодумцем (*free-thinker*)» [Collins, 1713. P. 123], «благородные помышления которого» сокрушил внешний «авторитет» [Collins, 1737. P. li], носителем которого в настоящее время для Коллинза выступает официальная церковь. По замечанию итальянского гамановеда А. Пупи, «Сократ в общем представлял вольнодумцем, который на основе морали, основанной на чистом разуме, представлял радикальную альтернативу Христу» [Pupi, 1998. P. 290].

Именно на таком фоне Гаман обратился к личности Сократа для демонстрации своей позиции, вполне усвоив правила игры. Каковы были его источники? Основным историческим материалом послужило переложение Христианом То-

² В книге Бёма обсуждение Гамановского Сократа [Böhm, 1966. S. 259–277] буквально теряется среди множества других интерпретаций.

мазием жизнеописания Сократа Франсуа Шарпентье, которое, в свою очередь, основывалось на сочинениях Ксенофонта и Диогена Лаэртского. Само название книги Томазия указывает на то, что он выступал против «педантизма» неосхоластической немецкой философии того времени [Thomasius, 1693]. Туард, в частности, отмечает, что именно поэтому Томазий преподавал в университете Галле на немецком, а не на латыни [Thouard, 2006. P. 419]. У Томазия, говорившего про «die Denkwürdigen Dinge des Socrates», Гаман заимствует и название своей работы³.

Если фактологию Томазия Гаман использует в СД, преломляя его представление о Сократе в соответствии с собственными взглядами, то с другим своим источником – Купером [Cooper, 1750] – он ожесточённо полемизирует. В осуждении Сократа Купер обвиняет не понявшую его чернь, но более всего его инвектива направлена против жрецов, «чей ревностный дух святой злобы повлѣк его на тот суд» [Ibid. P. 95]. Отсылки к Куперу заметны на протяжении всей работы Гамана, в частности, по вопросам природы сократического незнания и его даймона Гаман занимает противоположную в сравнении с Купером позицию⁴.

В чём же заключался сам тезис Гамана? В то время как в работе присутствуют элементы политической философии, а именно критика социально-политического проекта Просвещения [Стрельцов, 2018. С. 111–114], ключевыми понятиями в трактате для Гамана являются именно «незнание» и «даймон». Вопреки позитивизму Просвещения, Гаман пытается показать, что опора на собственный разум способна довести даже мудрейшего из людей только до осознания собственного незнания, а для преодоления этой пропасти необходимо «просвещение» извне – «даймон», под которым Гаман понимает в том числе внешний авторитет и традицию, то есть именно то, что служило главной мишенью в мысли просветителей.

Любопытно проследить рецепцию тезиса Гамана о Сократе Мозесом Мендельсоном, одним из наиболее значительных деятелей немецкого Просвещения. Мендельсон написал два обзора СД, первый из них в июне 1760 года, вскоре после знакомства с очерком. Мендельсон был тогда восхищён трактатом и восхвалял интерпретацию Сократа Гаманом, включавшую акцент на незнании Сократа, рассуждение посредством аналогии и майевтику. Это было тем более удивительно, что Гаман направил свои стрелы именно против круга Мендельсона, ведь сам Мендельсон как раз подчёркивал сходство метода Сократа с методами Просвещения [Beiser, 2009. P. 234]! Дело в том, что Гаман лично познакомился с Мендельсоном и с представителями Прусской академии, будучи проездом в Берлине на пути в Лондон в конце 1756 г. [Namann, 1993. S. 333], при этом Мендельсон совершенно не был в курсе перемен, случившихся с Гаманом за время его пребывания в Лондоне, в результате чего Гаман кардинально поменял отношение к идеям Просве-

³ Отметим, что Гаману важны не столько «мысли» Сократа [Гильманов, 2003. С. 423], сколько его дела или поступки. Для самого Гамана философия есть образ жизни, и к определённым поступкам он призывает своих адресатов И. Канта и К. Беренса.

⁴ Купер интерпретировал сократическое незнание как скромность [Cooper, 1750. P. 84–85], даймон как «внутренний импульс души» [Ibid. P. 88–89], а охваченность даймоном как «душу, исполненную мудрости и добродетели» [Ibid. P. 92]. Все эти трактовки бесконечно далеки от рассуждений Гамана.

щения. Таким образом, первоначально Мендельсон рассматривал его трактат без какого-либо предубеждения. Когда же он узнал об изменениях в мировоззрении Гамана, его мнение о нём изменилось. Во втором отзыве Мендельсон обрушивается на его притязания быть гением, а также на неясность его стиля и многословность. В этом Мендельсон продемонстрировал удивительное непонимание метода Гамана, потому что тот как раз и собирался указать посредством своего стиля на то, что необъяснимо [Beiser, 2009. P. 235].

Молодого Иоганна Вольфганга Гёте СД впечатлили настолько, что он собирался написать драму, посвящённую Сократу, как признавался в переписке с Гердером в конце 1771 г. [Goethe, 1887. S. 11–13. O’Flaherty, 1967. P. 92]. Основное противостояние в этой драме было бы между героическим философом и фарисейскими софистами [Goethe-Handbuch, 1918. S. 342]. Однако, хотя Гёте и пытался придерживаться гамановской интерпретации даймона Сократа, его мировоззрение не позволило ему воспользоваться христологической интерпретацией Сократа Гаманом, так что это произведение так и не было написано.

Впоследствии в рассуждении о наследии Гамана Гёте высказался про СД в том смысле, что они «возбудили внимание общества, но более всего пришлось по душе тем, кто не хотел смириться со спящим рационализмом того времени. В нём видели основательно мыслящего человека, хорошо знакомого с «явным миром» и литературой, но знавшего ещё что-то сокровитное, непостижимое, о чём он и возвещал на свой, совсем особый лад» [Гёте, 1969. С. 373].

Наряду с Жан-Жаком Руссо Гаман выступил идейным вдохновителем литературного движения «Буря и натиск» (Sturm und Drang), одну из ведущих ролей в котором играл Гёте. Хотя своеобразным манифестом «Бури и натиска» стало второе магистральное сочинение Гамана «Эстетика в ядре», именно дебютная его работа с акцентом на сократическом даймоне вызвала к жизни понятие поэтического гения, гениальности. Даниэл Далстром называет Гамана «эстетическим холистом», рассматривая его первым в ряду таких современников, как Гердер и Шиллер [Dahlstrom, 2008. P. 67–68]. Исследователь Гёте Рихтер отмечает, что именно Гаман оказал основное влияние на концепцию Гёте о «даймоне»: «Намерение Гамана состояло в том, чтобы сознательно заменить рациональный, диалектический образ Сократа, бывший основным во время Просвещения, новым представлением его как нерационального религиозного пророка» [Richter, 2007. P. 150].

Необходимо отметить, однако, что при апроприации гамановского «гения» представителями движения Sturm und Drang произошла значительная смена акцентов. Во-первых, основанный на сенсуалистском подходе Юма внерационализм Гамана (сократическое незнание понимается им как *Empfindung*, ощущение – что неподвластно рациональной критике) [Hamann, 1950. S. 73] уступил более явно выраженному иррационализму, олицетворённому в «Страданиях юного Вертера». Во-вторых, что ещё существеннее, произошла секуляризация и интериоризация даймона Гамана. «Genius» Гамана как внешний агент воздействия на человека уступил место «Genie» – гениальному человеку. Тем не менее, влияние Гамана сохранилось даже в таком урезанном виде.

Хотя в сравнении с Гёте Гегель представляет уже принципиально другую эпоху немецкой философии, основным содержанием их единственной встречи было

обсуждение Гамана [Эккерман, 1986. С. 547]. Загадочность Гамана заставила его посвятить ему отдельный очерк – единственный случай, когда Гегель писал о трудах кого-то ещё! – причём сократической теме в нём было уделено особое внимание [Гегель, 1972. С. 599–601]. Гамановскую мысль Гегель рассматривает как промежуточный этап на пути к его собственной совершенной системе. Настоящая статья продолжает и развивает ранее проведённую оценку гегелевской рефлексии [Стрельцов, 2020. С. 104–112].

Пожалуй, из многочисленной плеяды философов XIX столетия именно Кьеркегор стал главным учеником Гамана и продолжателем его сократической интерпретации, хотя он стал писать через несколько десятилетий после его смерти. У Кьеркегора в собственности было собрание сочинений Гамана издателя Фридриха Рота, и он делал пометки в этих книгах. Образу Сократа Кьеркегор уделил большое внимание в своём творчестве. Он читал СД⁵ уже при написании диссертации «О понятии иронии, с постоянным обращением к Сократу», которая выдаёт явную зависимость от Гамана.

То, что Кьеркегор активно пользовался наработками Гамана, является практически общим местом среди исследователей [Нау, 2008. Р. 99–107]. Что особенно важно применительно к теме нашего обзора, «вполне возможно, что никакой другой современный текст не оказал большего влияния на развитие философии Кьеркегора, чем «Сократические достопамятности» Гамана» [Betz, 2007. Р. 314]. Влияние Гамана, читать которого стал Кьеркегор, перебило влияние на него Гегеля и его философии истории; соответственно, Кьеркегор сознательно выступает далее как оппонент философии Гегеля [Thulstrup, 1980. Р. 224].

В качестве эпиграфа к «Понятию страха» Кьеркегор выбрал рассуждение о гамановской интерпретации Сократа: «Время различий прошло, оно побеждено системой. Тот, кто в наши дни ещё любит проводить различия, является эксцентриком, чья душа прикована к чему-то давно исчезнувшему. Но пусть это будет так, Сократ всё равно останется простым мудрецом, каким он в действительности и был, благодаря необычному различию, которое он выразил и осуществил, благодаря чему-то, что две тысячи лет спустя впервые с восхищением повторил только эксцентрик Гаман: «Сократ был велик потому, что он различал между тем, что он понимал, и тем, чего он не понимал» [Кьеркегор, 1993. С. 114]. В набросках к этой работе Кьеркегор высказывался ещё откровеннее: «Душа моя прилепляется к Сократу, первой моей любви, и радуется в Гамане, понимавшем его, ибо он сказал лучшее из того, что было сказано о Сократе», добавляя, что Сократ и Гаман были, возможно, величайшими умами всех времён [Betz, 2007. Р. 299]. Также в первоначальном варианте титульной страницы, сохранившемся в дневнике Кьеркегора, он ещё добавил к этому: «Сократ + 400 до Хр. – Гаман + 1758 после Хр. Socrates mein Herren was kein etc. (in Sokratiske Denkwürdigkeiten)» [Kierkegaard, Dru, 1959. Р. 201].

Даже программа действий Кьеркегора была в некотором смысле скопирована у Гамана. Сакки обсуждает влияние Гамана (а конкретно его СД) на Кьеркегора в рассмотрении им Сократа как модели современного христианства. В частности, псевдоним «Вигилий Хауфниенсий» (само по себе использование псевдонимов

⁵ Согласно Андерсону [Anderson, 1982. Р. 134], Кьеркегор был знаком с СД уже с 1837 г.

Кьеркегором – один из факторов влияния на него Гамана, в случае которого использование псевдонимов в литературной деятельности выражало его концепцию «авторства») в подзаголовке «Понятия страха» очевидным образом указывает на связь между Сократом, Гаманом и его собственным проектом [Sacchi, 2011]. Поссен отмечает, что Кьеркегор повёл кампанию реабилитации Сократа в лютеранской Дании «не только в качестве интеллектуальной модели и этического примера, но также – в некоторых ключевых отношениях – в качестве религиозной парадигмы» [Possen, 2007. P. 45–46]. Судя по всему, Кьеркегор продолжал аналогию СД: если Гаман рассматривал себя как кенигсбергского Сократа, противостоящего софистам-просвещенцам, то сократический Кьеркегор уже выступает в собственном представлении против софистически настроенного Гегеля.

Два момента в упоминаниях Кьеркегора о Гамане особенно обращают на себя внимание: трактовка Гаманом Юма и использование иронии. Первый из них характеризует метод Гамановского философствования в СД, второй служит ключевым маркером его стиля. Парадоксально используя скептицизм Юма, Гаман продемонстрировал в СД, что вера неподвластна разуму, и само её наличие объяснимо только в контексте чуда. В заметках на полях издания Фридриха Рота Кьеркегор отметил: «Видно полное непонимание христианина и нехристианина в ответе Гамана на возражение Юма: ну да, так и есть» [Betz, 2007. P. 318]. Вероятно, такое понимание Гамана было одним из источников представления Кьеркегора о парадоксе.

Собственно, использование таких скептиков и агностиков как Юм в подтверждение христианства и было для Кьеркегора наивысшим проявлением иронии Гамана: «Не крайне ироничен ли Гаман, когда говорит где-то, что лучше услышит истину из уст фарисея помимо его воли, чем от апостола или ангела» [Kierkegaard, Dru, 1959. P. 201]? В одном из первых вариантов предисловия к «Понятию страха» Кьеркегор особо отметил юмор Гамана: «Сократ и Гаман – величайший мастер иронии и величайший юморист, которых разделяет 2000 лет» [Нау, 2008. P. 107].

Всё же в более зрелом возрасте Кьеркегор, в котором очень сильны скандинавские пиелистские нотки⁶, отходит от концепции иронии Гамана. Для Кьеркегора ирония – переходный этап, средство достижения цели. Для Гамана же нет необходимости идти за пределы иронии: Бог обретается именно посреди иронии, посреди парадокса, в этом напряжении, в единстве противоположностей.

В работе об иронии Кьеркегор часто ссылается на Гегеля. В 1850 г. он написал в дневнике, что сам был под влиянием Гегеля и тем самым был «гегелевским глупцом», подтверждая великую этику Сократа [Thulstrup, 1980. P. 215]. Применительно к Гегелю очевидное отличие Кьеркегора от Гамана состоит в том, что Гаман

⁶ Джон Милбанк называет как Гамана, так и Кьеркегора «радикальными пиеристами» (Кьеркегору он приписывает «an astonishing reassertion of the radical pietist vision»), рассматривая их фактически как предшественников собственной концепции «радикальной ортодоксии» [Milbank, 1999. P. 22]. С нашей точки зрения, рассматривая Гамана и Якоби как часть одного и того же движения, Милбанк игнорирует существенные расхождения между ними. Кроме того, Кьеркегор был в гораздо большей зависимости от пиетизма, чем Гаман: достаточно рассмотреть, насколько радикально различалось их отношение к сексуальности. Более сбалансированный взгляд представлен в другой недавней работе [Barnett, 2016].

стоял у истоков немецкой классической философии, а Кьеркегор уже реагировал на Гегеля. Бец преувеличивает, но всё равно остроумно замечает, что «имеется немалая ирония в том, что Гаман одновременно создал модель автономного христианского авторства Кьеркегора и эпистемологический ключ к системе Гегеля (хотя к самой системе он питал бы отвращение)» [Betz, 2007. P. 193]. Иначе говоря, согласно такой радикальной трактовке, парадоксальным образом Гаман проложил дорогу как для Гегеля, так и для Кьеркегора, при том что они были непримиримыми антагонистами.

Обратимся к Ницше, чтобы завершить рассмотрение места гамановской сократической проблематики в истории философии. Такой выбор может показаться странным. В отличие от других рассмотренных авторов, Ницше не ссылается на Гамана в своих произведениях, хотя из этого не следует, что он не был знаком с его трудами прямо либо опосредованно. В дебютной работе Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» Сократу отводится значительная роль. С нашей точки зрения, интерес представляет то, что Ницше стоит на противоположных с Гаманом позициях в его интерпретации Сократа, несмотря на отдельные внешние сходства между двумя трудами⁷.

У Гамана софисты рассматриваются как рационалистические противники Сократа, а для Ницше сам Сократ – «первый и верховный софист» в соответствии с представлением Аристофана [Ницше, 1996. С. 106]. В случае Гамана диалектика сократического незнания и воздействия даймона определяет Сократа как человека веры, неподсудной разуму. Для Ницше же сократовское незнание – признак его крайнего рационализма, выступающего против инстинкта [Там же. С. 107]. Даймона Сократа Гаман истолковывает как наставника в жизни, а Ницше интерпретирует не в утвердительном, но в отрицательном смысле как инстинкт, толкавший его к логическому и критическому мышлению. Смерть Сократа Ницше соответственно объясняет его рациональным решением, дискредитируя тем самым его «мученичество»: при нормальной опоре на инстинкты суд закончился бы только изгнанием [Там же. С. 108]. Для Гамана же смерть Сократа – неизбежный итог его божественного призвания.

Столь контрастирующие интерпретации Сократа в трудах Гамана и Ницше вытекают из принципиально разных мировоззрений этих авторов (в частности, их диаметрально противоположного отношения к христианству), для подтверждения которых понадобились соответственно различные эпистемологии, при том что они оба обращались к одному и тому же персонажу греческой мысли.

Независимо от оценки справедливости замечания Фридриха Шлегеля, что вместо того чтобы тратить годы на Канта, надо было бы уделить их Гаману [Betz, 2005. P. 234], Гаман был во многом забыт. Для его забвения имелись свои причины. И даже массовое открытие Кьеркегора на волне расцвета философии экзистенциализма в середине XX века не вызвало аналогичного всплеска интереса к Гаману: для широкой публики он оказался слишком «эзотеричным». Тем не менее, это не должно влиять на наше представление о динамике развития мыс-

⁷ О'Флаэрти приводит подробный список [O'Flaherty I, 1971. P. 556]. См. также [O'Flaherty II, 1971. P. 306–307].

ли XVIII века, стоявшей у истоков немецкой классической философии. И в этом отношении дебютный очерк Гамана с его «сократической» проблематикой едва ли может быть проигнорирован. Приведённый в данной статье обзор в целом подтверждает вердикт историка философии Фредерика Бейзера относительно СД, что это – «семинальная работа в истории современной философии» [Beiser, 1987. P. 24].

Список литературы

- Гегель Г. В. Ф.** О сочинениях Гамана / Работы разных лет в двух томах. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 577–643.
- Гильманов В. Х.** Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003.
- Кьеркегор С.** Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
- Ницше Ф. В.** Сочинения: в 2 т. М., 1996. Т. 1.
- Светлов Р. В.** Сократ в пространстве античного воображения // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, № 1. С. 169–184.
- Стрельцов А. М.** Аксиологическая проблематика призвания философа в «Сократических достопримечательностях» И. Г. Гамана // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43 (3). С. 111–116.
- Стрельцов А. М.** Гегелевский Гаман: попытка реконструкции // Сиб. филос. журн. 2020. Т. 18. № 3. С. 104–112.
- Филин Д. А.** Личность Сократа в святоотеческой традиции // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 26. С. 180–185.
- Эккерман И. П.** Разговоры с Гете. М.: Худож. лит., 1986.
- Beiser F. C.** The Fate of Reason. German Philosophy from Kant to Fichte. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
- Beiser F. C.** Diotima's Children : German Aesthetic Rationalism from Leibniz to Lessing. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Betz J. R.** Hamann Before Kierkegaard: A Systematic Theological Oversight // Pro Ecclesia. 2007. Vol. 16. № 3. P. 299–333.
- Böhm B.** Sokrates im 18. Jahrhundert: Studien zum Werdegange des modernen Persönlichkeitsbewusstseins. 2. Auflage. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1966.
- Collins A.** A Discourse of Free-thinking. L., 1713.
- Collins A.** A Discourse of the Grounds and Reasons of the Christian Religion. L., 1737.
- Cooper J. G.** The Life of Socrates. 2nd ed. L., 1750.
- Dahlstrom D. O.** Philosophical Legacies: Essays on the Thought of Kant, Hegel, and Their Contemporaries (Studies in Philosophy and the History of Philosophy, Volume 50). Washington, D.C.: CUA Press, 2008.
- Goethe J. W.** Werke. 2. Bd. Weimar: Sophienausgabe, 1887.
- Goethe-Handbuch.** Hrsgb. Zeitler J. III. Band. Stuttgart: J. B. Metzler, 1918.
- Hamann J. G.** Sämtliche Werke. 2. Bd. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Wien: Herder Verlag, 1950.
- Hamann J. G.** Londoner Schriften. Historisch-kritische Neuedition von Oswald Bayer und Bernd Weissenborn. München: Verlag C. H. Beck, 1993.

- Hankins J.** Socrates in the Italian Renaissance //
- Hay S. K.** Hamann: Sharing Style and Thesis: Kierkegaard's Appropriation of Hamann's Work // Stewart J. B. (ed.). *Kierkegaard and His German Contemporaries: Literature and aesthetics*. Ashgate Publishing, Ltd., 2008.
- Kierkegaard S., Dru A.** *The Journals of Kierkegaard*. Harper Torchbooks, Tb 52. N. Y.: Harper & Row, 1959.
- Milbank J.** Knowledge: The Theological Critique of Philosophy in Hamann and Jacobi // Milbank J., Pickstock C., Ward G. (eds.). *Radical Orthodoxy: A New Theology*. L.: Routledge, 1999. P. 21–37.
- O'Flaherty J. C.** *Hamann's Socratic Memorabilia: A Translation and Commentary*. Baltimore: The John Hopkins Press, 1967.
- O'Flaherty J. C.** Hamann and Nietzsche's Conception of Socrates: A Comparison // Lange V., Roloff H.–G. (eds.). *Dichtung, Sprache, Gesellschaft: Akten des IV. internationalen Germanisten-Kongresses 1970 in Princeton*. Frankfurt, 1971. P. 553–561.
- O'Flaherty J. C.** Socrates in Hamann's Socratic Memorabilia and Nietzsche's Birth of Tragedy: A Comparison // Palmer R. B., Hamerton–Kelly R. (eds.). *Philomates; Studies and Essays in the Humanities in Memory of Philip Merlan*. Hague: Nijhoff, 1971. P. 306–329.
- Possen D.** *Soren Kierkegaard and the Very Idea of Advance Beyond Socrates*. Dissertation. Chicago: The University of Chicago, 2007.
- Pupi A.** *Johann Georg Hamann. III. Pelicanus colitudinis 1763–1773*. Milano: Vita e pensiero, 1998.
- Richter S. J.** *Goethe Yearbook 14*. Harvard: Harvard University Press, 2007.
- Sacchi D.** *Le ragioni di Abramo. Kierkegaard e la paradossalità del logos*. Franco Angeli, 2011.
- Scaer P. J.** *The Lucan Passion and the Praiseworthy Death*. Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2005.
- Thomasius C.** *Das Ebenbild eines wahren und ohnpedantischen Philosophi, oder Das Leben Socratis, aus dem Frantzösischen des Herrn Charpentier ins Teutsche übersetzt von Christian Thomas*. Halle, 1693.
- Thouard D.** Hamann and the History of Philosophy // Ligota C. R., Quantin J.–L. (eds.). *History of Scholarship. A Selecton of Papers from the Seminar on the History of Scholarship Held Annually at the Warburg Institute*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 413–436.
- Thulstrup N.** *Kierkegaard's Relation to Hegel*. Princeton: Princeton University Press, 1980.
- Vlastos G.** *The Philosophy of Socrates: A Collection of Critical Essays*. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1971.

References

- Beiser F. C.** *The Fate of Reason. German Philosophy from Kant to Fichte*. Cambridge: Harvard University Press, 1987.
- Beiser F. C.** *Diotima's Children : German Aesthetic Rationalism from Leibniz to Lessing*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

- Betz J. R.** Hamann Before Kierkegaard: A Systematic Theological Oversight // *Pro Ecclesia*. 2007. Vol. 16. № 3. P. 299–333.
- Böhm B.** Sokrates im 18. Jahrhundert: Studien zum Werdegange des modernen Persönlichkeitsbewusstseins. 2. Auflage. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1966.
- Collins A.** A Discourse of Free-thinking. L., 1713.
- Collins A.** A Discourse of the Grounds and Reasons of the Christian Religion. L., 1737.
- Cooper J. G.** The Life of Socrates. 2nd ed. L., 1750.
- Dahlstrom D. O.** Philosophical Legacies: Essays on the Thought of Kant, Hegel, and Their Contemporaries (Studies in Philosophy and the History of Philosophy, Volume 50). Washington, D.C.: CUA Press, 2008.
- Eckermann J. P.** Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. 1823–1832. Bd. 1–3. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1836, 1848.
- Filin D. A.** Lichnost' Sokrata v svyatootecheskoi traditsii [The Personality of Socrates in the Patristic Tradition] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2014, no. 26, p. 180–185. (in Russ.)
- Gilmanov V. H.** Germenevtika «obraza» I. G. Gamana i Prosveschenie [Hermeneutic of the «type» of J. G. Hamann and the Enlightenment]. Kaliningrad: Izdatelstvo Kaliningradskogo gos. universiteta, 2003. (in Russ.)
- Goethe J. W.** Werke. 2. Bd. Weimar: Sophienausgabe, 1887.
- Goethe-Handbuch.** Hrsgb. Zeitler J. III. Band. Stuttgart: J. B. Metzler, 1918.
- Hamann J. G.** Sämtliche Werke. 2. Bd. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Wien: Herder Verlag, 1950.
- Hamann J. G.** Londoner Schriften. Historisch-kritische Neuedition von Oswald Bayer und Bernd Weiffenborn. München: Verlag C. H. Beck, 1993.
- Hankins J.** Socrates in the Italian Renaissance //
- Hay S. K.** Hamann: Sharing Style and Thesis: Kierkegaard's Appropriation of Hamann's Work // Stewart J. B. (ed.). *Kierkegaard and His German Contemporaries: Literature and aesthetics*. Ashgate Publishing, Ltd., 2008.
- Hegel G. W. F.** Hamanns Schriften / Werke 11. Frankfurt am Mein: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1986. S. 275–352.
- Kierkegaard S., Dru A.** The Journals of Kierkegaard. Harper Torchbooks, Tb 52. N. Y.: Harper & Row, 1959.
- Kierkegaard S.** Strakh i trepet [Frygt og Bæven]. M.: Respublika, 1993. (In Russ.)
- Milbank J.** Knowledge: The Theological Critique of Philosophy in Hamann and Jacobi // Milbank J., Pickstock C., Ward G. (eds.). *Radical Orthodoxy: A New Theology*. L.: Routledge, 1999. P. 21–37.
- Nietzsche F. W.** Works in Two Volumes. Tom 1 [Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1]. M.: 1996. (In Russ.)
- O'Flaherty J. C.** Hamann's Socratic Memorabilia: A Translation and Commentary. Baltimore: The John Hopkins Press, 1967.
- O'Flaherty J. C.** Hamann and Nietzsche's Conception of Socrates: A Comparison // Lange V., Roloff H.–G. (eds.). *Dichtung, Sprache, Gesellschaft: Akten des IV. internationalen Germanisten-Kongresses 1970 in Princeton*. Frankfurt, 1971. P. 553–561.
- O'Flaherty J. C.** Socrates in Hamann's Socratic Memorabilia and Nietzsche's Birth of Tragedy: A Comparison // Palmer R. B., Hamerton–Kelly R. (eds.). *Philomates*;

- Studies and Essays in the Humanities in Memory of Philip Merlan. Hague: Nijhoff, 1971. P. 306–329.
- Possen D.** Soren Kierkegaard and the Very Idea of Advance Beyond Socrates. Dissertation. Chicago: The University of Chicago, 2007.
- Pupi A.** Johann Georg Hamann. III. Pelicanus colitudinis 1763–1773. Milano: Vita e pensiero, 1998.
- Richter S. J.** Goethe Yearbook 14. Harvard: Harvard University Press, 2007.
- Sacchi D.** Le ragioni di Abramo. Kierkegaard e la paradossalità del logos. Franco Angeli, 2011.
- Scaer P. J.** The Lucan Passion and the Praiseworthy Death. Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2005.
- Streltsov A. M.** Aksiologicheskaya problematika prizvaniya filosa v «Sokraticeskikh dostoprimechatel'nostyakh» I. G. Gama [Axiological Problems of the Philosopher's Calling in Hamann's Socratic Memorabilia] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2018, no. 43 (3), p. 111–116. (in Russ.)
- Streltsov A. M.** Gegelevskii Gama: popytka rekonstrutsii [Hegelian Hamann: Attempt at Reconstruction] // *Sibirskii filosofskii zhurnal*, 2020, vol. 18, no. 3, p. 104–112. (in Russ.)
- Svetlov R. V.** Socrat v prostranstve antichnogo voobrazheniya [Socrates in the Space of Ancient Imagination] // *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 2015, Vol. 9, no. 1, p. 169–184. (in Russ.)
- Thomasius C.** Das Ebenbild eines wahren und ohnpedantischen Philosophi, oder Das Leben Socratis, aus dem Frantzösischen des Herrn Charpentier ins Teutsche übersetzt von Christian Thomas. Halle, 1693.
- Thouard D.** Hamann and the History of Philosophy // Ligota C. R., Quantin J.–L. (eds.). *History of Scholarship. A Selecton of Papers from the Seminar on the History of Scholarship Held Annually at the Warburg Institute*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 413–436.
- Thulstrup N.** Kierkegaard's Relation to Hegel. Princeton: Princeton University Press, 1980.
- Vlastos G.** The Philosophy of Socrates: A Collection of Critical Essays. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1971.

Информация об авторе

Стрельцов Алексей Михайлович, кандидат философских наук
Научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева,
8, Новосибирск, 630090, Россия)

Information about the Author

Alexey M. Streltsov, Candidate of Sciences (Philosophy)

Fellow, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev St., Novosibirsk,
630090, Russian Federation)

*Статья поступила в редколлегию 05.09.2022;
одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.*

*The article was submitted 05.09.2022;
approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.*